

С этой мыслью взгляд Му Цинфэна стал необычайно глубоким. Он медленно наклонился, так что их носы оказались на расстоянии всего в несколько сантиметров.

— Раз уж ты знаешь, кто я, может, пойдешь со мной?

Его рука скользнула под одеяло, и пальцы легко провели по забинтованному животу Гу Шаобая.

— Я не оставлю тебя в беде... Хм?

Горячее дыхание коснулось его лица, и зверь, запертый в его сердце, едва не вырвался на свободу. Гу Шаобай вздрогнул, подавился слюной и начал кашлять, что вызвало острую боль в ране на животе. Пот стекал по его лбу.

Му Цинфэн хотел лишь пошутить, не ожидая, что шутка обернется таким серьезным последствием.

Его лицо, обычно с легкой улыбкой, вдруг стало серьезным. Он откинул одеяло и поднял одежду, чтобы осмотреть рану. Как и ожидалось, она разошлась, и кровь уже просочилась через белую повязку.

Он резко встал, опрокинув бамбуковый стул, и громко закричал:

— Люди, люди...

Юй Цзю, который как раз подносил куриную кашу к двери, тут же откликнулся:

— Я здесь.

Му Цинфэн выхватил у него миску:

— Быстрее позови доктора Ли...

Юй Цзю мгновенно исчез.

Му Цинфэн смотрел, как Гу Шаобай, едва начавший приходить в себя, снова побледнел. В его сердце будто проткнули иглой, и холод проник со всех сторон.

Ресницы Гу Шаобая были покрыты мелкими каплями пота. Он с трудом поднял веки, и даже дурак мог бы понять, что написано на лице Му Цинфэна!

Ли Чжишань снял повязку, осмотрел рану и снова нанес лекарство.

— Ваше высочество, все в порядке.

Он сделал пару шагов к двери. Проходя мимо Му Цинфэна, добавил:

— До часа Цзы я вернусь, чтобы сделать иглокалывание...

Му Цинфэн без эмоций хмыкнул, и, когда Ли Чжишань вышел, снова сел на бамбуковый стул.

Гу Шаобай слабо взглянул на него, боль еще не утихла, и у него не было сил ругаться.

Му Цинфэн мягко взял его пальцы и с сожалением сказал:

— Я просто хотел пошутить...

Гу Шаобай, видя, что он искренне переживает, вздохнул и тихо, едва слышно, пробормотал:

— Я знаю... Ваше высочество, вы видели столько людей, если бы вы обратили внимание на такого, как я, это было бы действительно смешно!

Му Цинфэн был ошеломлен этими словами. Он действительно влюбился в него! Будь то изысканный и красивый Гу Шаобай, или замаскированный под Цзя Фаня, он был очарован!

Он был как его глаза — на первый взгляд, как чистая вода, где можно увидеть все эмоции, но, нырнув глубже, понимаешь, что все это иллюзия.

Именно поэтому, чем больше он не мог понять его, тем сильнее хотел добраться до сути.

Му Цинфэн приподнял его голову и осторожно начал кормить куриной кашей.

Гу Шаобай съел несколько ложек и сказал:

— Ваше высочество, я хочу попросить об одном одолжении.

Му Цинфэн снова поднес ложку:

— Так долго молчал... Говори!

Гу Шаобай тщательно разжевал курицу в каше и, взвесив слова, сказал:

— Я хочу, чтобы ваше высочество написали письмо. Если однажды кто-то предъявит его, вы обязаны будете помочь ему исполнить его желание!

Му Цинфэн остановился и внимательно посмотрел на него, не понимая, что у него в голове. Неужели он так рисковал жизнью ради этого письма?

Гу Шаобай, видя его колебания, подумал, что он не хочет соглашаться, и тихо, но искренне сказал:

— Я знаю, что ваше высочество мастер боевых искусств, вы могли легко уклониться от той стрелы. Более того, вы, вероятно, уже подозревали хозяина лодки. Вы подошли ко мне, чтобы схватить его, верно?

Му Цинфэн поднял бровь:

— О? Как ты догадался?

— Я только сейчас понял. Хозяин лодки был из этого городка, как он мог видеть такие крупные суммы денег? Его радость была слишком наигранной... Я, не подумав, бросился на него, только все испортил. Ваши люди, опасаясь, что он причинит мне вред, вынуждены были убить его, не оставив живого свидетеля. Вы разочарованы, да?

— Так что мое требование... слишком много, да? — Гу Шаобай с трудом смотрел ему в глаза, смущенно отводя взгляд.

Его слова, как рука, сжали сердце Му Цинфэна. Этот глупец с самого начала думал только о других, а не о себе. Разве он не понимал, что Му Цинфэн больше всего переживал не о

пойманном убийце, а о том, что Гу Шаобай рисковал жизнью ради него!

Никто никогда не был так близок к нему, и никто не заставлял его так переживать. Эти чувства были бесценны!

— Я согласен!

Гу Шаобай резко повернулся:

— Правда?

— Правда!

Гу Шаобай был вне себя от радости. Это письмо было спасением, оно могло защитить его семью!

Его усилия не пропали даром!

Му Цинфэн быстро написал обещание, поставил печать Князя И на нефритовой подвеске и передал его Гу Шаобаю.

Тот внимательно прочитал и наконец улыбнулся с облегчением. Он аккуратно сложил письмо, завернул его в чистую ткань и бережно спрятал в карман. Му Цинфэн смотрел на это с умилением, находя его действия очень милыми.

Ночь была уже глубокой, Гу Шаобай, истощенный, с облегчением в душе, скоро начал засыпать.

В этот момент вошел Ли Чжишань. Он держал в руках маленький сверток и сел у кровати, обменявшись взглядом с Му Цинфэном.

Му Цинфэн кивнул и тихо разбудил Гу Шаобая, который уже почти отключился. Тот приоткрыл глаза и, увидев Ли Чжишаня, почувствовал недоброе предчувствие:

— Доктор Ли, зачем вы пришли... Может, я снова отравился?

— Нет, нет, — Ли Чжишань развернул сверток, и в свете лампы засверкали серебряные иглы.

— После трех дней приема лекарства яд выйдет. Но в яде, который ты принял, есть один компонент, который и яд, и не яд...

Гу Шаобай внимательно выслушал:

— То есть, в течение ста дней, каждый день в час Цзы, это будет происходить, да?

Ли Чжишань кивнул.

— Насколько это больно? — спросил Гу Шаобай.

Ли Чжишань задумался, но не смог точно описать:

— Наверное... очень больно...

Гу Шаобай сказал:

— Не нужно иглоукалывания!

Не только Ли Чжишань, но и Му Цинфэн удивились. Он что, собирается терпеть боль, хотя иглоукалывание могло бы облегчить страдания?

У Гу Шаобая были свои причины. Он уже слишком долго задерживался здесь, через три дня ему нужно было отправиться в путь, чтобы догнать отца и брата, иначе это могло вызвать подозрения. А в пути, а также в городе Мобэй, кто бы мог делать ему иглоукалывание?

Никто. Даже если бы кто-то мог, он не мог позволить себе раскрыться перед отцом и братом.

Лучше сразу привыкнуть к боли, главное, чтобы она не убила его.

Гу Шаобай, видя их удивленные взгляды, улыбнулся:

— Не смотрите на меня так... Я не боюсь боли... К тому же, доктор Ли, вы же сами не испытывали это, может, все не так страшно, как вы думаете!

Он повернулся на бок, зевнул:

— Идите отдыхайте, я уже еле держусь на ногах. Может, засну и даже не почувствую боли...

Ли Чжишань хотел что-то сказать, но Му Цинфэн покачал головой, и он, взяв сверток с иглами, ушел.

Му Цинфэн накрыл Гу Шаобая одеялом и, убедившись, что тот действительно заснул, потушил свечу, но не ушел.

Гу Шаобай действительно заснул, но вскоре тонкая, но настойчивая боль, как будто тысячи игл вонзались в его тело, вырвала его из сна. Постепенно боль распространилась от внутренних органов до каждой кости и сустава, становясь все сильнее. Ему даже казалось, что он слышит, как его кости трескаются...

Он сжался в комок, пытаясь отвлечься от этой боли, которая исходила изнутри. Ему казалось, что он снова оказался в темном кошмаре, от которого не мог убежать... Пот стекал по его вискам, пропитывая волосы и одежду.

...

Му Цинфэн, словно слившись с темнотой, сидел, как статуя. Он смотрел, как тот дрожит, слушал его стоны, и ему хотелось обнять его, не сдерживаясь, и громко спросить, почему он так мучает себя!

<http://bllate.org/book/16730/1538743>